

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ И ИХ РОЛЬ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сталина СТЕПАНЮК, *Бэлцкый госуниверситет им. А. Руссо, Республика Молдова*

Rezumat: În studiul dat sînt analizate o clasă de interjecții emoționale, stabilindu-se statutul lor în sistemul lexico-gramatical al limbii. Ele au o sferă vastă de utilizare atît în vorbirea orală, cît și în textele artistice, unde pot fi prezente în diverse straturi stilistice.

Interjecțiile nu posedă funcție nominativă, deși au conținut semnificativ și exprimă diverse stări emoționale.

Atît într-o limbă (spre ex., rusă), cît și la nivelul interlingval, se atestă interjecții „specializate”

(monoseman-

tice / univoce) și „nespecializate” (polisemantice / ambigue).

Iată de ce, adeseori, interjecțiile polisemantice sînt urmate în text de „lexeme-comentarii” ale emoțiilor (s-a bucurat, s-a uimit, s-a întristat etc.), iar în comunicarea orală interacționează cu mijloacele paralingvistice de comunicare, completate de gesturi și/sau mimici.

Unele cercetări asupra interjecțiilor de tipul dat, selectate în baza textelor din limbile rusă, română și engleză ne permit să punctăm similitudinile și deosebirile, frecvența și particularitățile funcționării lor.

Cuvinte-cheie: *comunicare interlingvală, interjecții propriu-zise, interjecții monosemantice și polisemantice, funcționare, practica traducerii.*

Abstract: The study deals with one type of Interjections, emotional ones, and defines their place in the lexicon-grammatical system of the language. They have a wide sphere of use in both oral speech and literary texts where they can represent different styles.

Without possessing and nominative function, interjections are contextually meaningful expressing various emotional states. Both within the frame of one language (Russian) and on the interlingual level, there are „specialized” (monosemantic) interjections and „non-specialized” (polisemantic) ones. That’s why they are often accompanied by

words expressing emotions (was pleased, surprised, distressed) and in oral speech are followed by paralinguistic means of communication such as gestures and mimicry.

Some research that deals with such interjections in Russian, Romanian and English allows to mark similarities and differences, frequency and functional peculiarities

Keywords: *Interlingual communication, emotionally evaluative interjections, monosemantic and polisemantic ones, function, translation.*

В настоящее время уделяется большое внимание контрастивной лингвистике, что связано с возрастающей ролью межъязыковой коммуникации (это и интернационализация европейских стандартов образования, и проблема повышения эффективности преподавания иностранных языков, и растущие требования к качеству перевода в разных сферах деятельности). Увеличивается интерес к речепотреблению, к функциональным возможностям языковых единиц.

В акте межнационального общения наряду с другими языковыми средствами определенную роль играют междометные слова, которые вместе с соответствующей интонацией, а также паралингвистическими средствами – жестами, мимикой – способствуют выполнению языком своих основных функций - коммуникативной и эмотивной.

Известно, что вопрос о языковом и частеречном статусе междометий является дискуссионным (являются ли они словами? частью речи?). Следуя за Ломоносовым М.В., Востоковым А.Х., Буслаевым Ф.И., Шахматовым А.А., Виноградовым В.В. и др., мы рассматриваем междометия как слова, занимающие особое место в системе частей речи. Они отличаются от неосознанных выкриков, возгласов-рефлекторных реакций организма на разные внутренние и внешние раздражители, разные ощущения – как выражение аффектов (*стон, смех, чиханье*). Междометия – это намеренная передача эмоций, принадлежность определенного языка (в каждом языке своя система), хотя они и сохраняют связь со звуковыми реакциями, аффективными выкриками; они служат «для краткого изъяснения движений духа», как отмечает М.В. Ломоносов. «...неясная и туманная категория междометий, значение которой сводится к «эмоциональности» и «отсутствию познавательных элементов», а формальный признак – к полной синтаксической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи» [Щерба 1974: 82].

Междометия, выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, не называют их, но они имеют осознанное коллективное (говорящим на данном, а часто и не только данном языке) смысловое содержание. Они, как пишет В.В. Виноградов, «относятся к сфере эмоционального языка в отличие от языка интеллектуального. Но часто они несут на себе яркий отпечаток языка интеллектуального» ... они «осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния, а оно неразрывно связано с деятельностью интеллекта» [Виноградов 1972: 585]. И при всей «ущербности» междометий функционально они сближаются с разными частями речи и даже предложениями.

Диапазон выражаемых ими ощущений, чувств, переживаний, волеизъявлений чрезвычайно широк: по данным, в русском языке 341 междометие [Современный русский язык 2007: 631]. В представляемой работе рассматривается один из разрядов междометий – эмоционально-оценочные, -делается попытка обобщить некоторые наблюдения над функционированием этих междометий в русском, румынском и английском языках. Это возгласы типа: русск. *ax!, ой!, a!, o!, ого!, ух!, ...*; рум. – *ă-ă!, o!, măi!, aha!, vai!...*; англ. *oh! [ou], ah!, hey!, eh!, why!, well!, alas!* и др., которые выражают разные чувства, настроения - положительные (радость, восхищение, удовольствие, восторг, облегчение...) и отрицательные, негативные (обида, сожаление, упрек, укор, досада, возмущение, боль, печаль, презрение и т.д.), входящие в функционально-семантическое поле эмотивности. Специфика поля, как известно, заключается в том, что семантическая категория рассматривается вместе с комплексом разнородных средств их выражения в данном языке. Так, в русском языке эмотивность может быть выражена междометиями, частицами, особыми лексемами, аффиксальными элементами (-ик, -юсеньк-, -иц-, -пре-, -еньк- и т.д.), определенными типами конструкций и предложений (восклицательные, вопросительные, инфинитивные и др.), особой интонацией, а также невербальными средствами – жестами, мимикой. «Поля в разных языках, базирующиеся на одной и той же семантической категории, могут существенно различаться по своей структуре» [Бондарко 1987: 38]. Эти различия прослеживаются и в системе междометий как части поля эмотивности в наблюдаемых языках, что отмечается многими исследователями: например, Федулова Е.В. указывает на их национальное своеобразие, ссылаясь на высказывание Кривоносова А.Т., «...междометия почти непереводаемы, они - настолько своеобразный класс слов, что по междометиям можно определить принадлежность человека к определенной нации» (Сб. *Молодежь и наука: реальность*

и будущее. Материалы II Международной научно-практической конференции, т. 1У. Филологические науки. Невинномысск. 2009). Однако, хотя и нет полного, последовательного их параллелизма в наблюдаемых языках, общие тенденции, значительные пересечения очевидны. Нами проанализированы эмоциональные междометия в тексте М. Лермонтова «Герой нашего времени» и румынском переводе данного произведения (переводчик Paul Ancel), стихотворения М.Ю. Лермонтова и их переводы на румынский язык (переводчики разные: George Lesnea, Ioan Norea, Ion Brad, Nina Cassian и др.); некоторые данные словарей (русско-румынского, румыно-русского, русско-английского, англо-русского); произведение А. Лупан «Первые петухи» (авторизованный перевод Н. Савостина); текст на английском языке (R. Stivenson. The black arrow).

В прозе Лермонтова данные междометия употреблены в диалогах героев (разговорная речь) 60 раз, в румынском переводе – 54, в стихах соответственно 26 и 17, в англ. тексте меньше. Круг выражаемых эмоций чрезвычайно разнообразен – это и положительные эмоции, и отрицательные – их больше: 1) русск. *o!*, *ax!*, *боже!*, *a!*, *ого!*; рум. *ah!*, *o!*, *Doamne!*, *oho!*; англ. *oh!* [*ou*], *ah!*, *wow* [*wau*] – слэнг, амер. и др.; 2) русск. *ox!*, *увы!*, *ой!*, *ага!*; рум. *of!*, *ah!*, *ei!*, *vai!*; англ. *of!*, *oh!*, *eh!*, *alas!*...

В сфере эмоциональных (и не только) междометий выделяются: 1) семантически и функционально однозначные, специализированные, чаще выражающие отрицательные эмоции, положительные – единичны: *тьфу!*, *фу!*, *фу!*, *эх!*, *увы!*... *bravo!*, *ура!*, *слава богу!*; рум. – *bravo!*, *vai!*; англ. – *bravo!*, *alas!*; 2) семантически диффузные, неспециализированные, многозначные (их большинство), значение которых обусловлено контекстом, ситуацией общения: *o!*, *ax!*, *a!*, *ага!*; рум.: *o!*, *a!*, *ah!*, *oho!*, *aha!*; англ.: *o!*, *ah!*, *oh!* У проф. Германовича дается около 20 значений междометия *a!* (догадка, восторг, удивление, укор, страх, боль, насмешка, ирония, отчаяние, досада, злорадство); *ox!* (рум. *oh!*, англ. *oh!* – усталость, испуг, восторг. Конкретные значения их реализуются с помощью контекста, ситуации, определенной интонации (тон, ритм, тембр), а также жестов, мимики.

Они передают общее состояние возбуждения, что предопределяет возможность их использования для выражения различных чувств, порой противоположных [Русская грамматика 1980: 733]. Это касается не только первообразных междометий, но и производных (результат интеръективации):

Ах, какой негодяй! (возмущение, укоризна) –

Ах, какая красота вокруг! (восторг, восхищение).

Well! Dick, I shall go, said sir Daniel (108) - «ну!»... (уступка, нерешительность) –

Well, you are!... = *Эх, ты!*... (укоризна).

Ср.: *Well said, Ioanna, cried Alicia* (110), где „well” является наречием.

Английское *alas!* (русск. *увы!*) выражает значение сожаления, однако, как отмечает С.М. Поляков [Вопросы языкознания, 2010, №3], семантика сожаления передает эмоциональное состояние: 1) сожаления о плохом и 2) сожаления о хорошем (например, о счастливых годах молодости). Этим значениям в английском языке соответствуют предикатив *sorry*, а также глагол и существительное *regret*. Субъективная оценка мира отдельными людьми может не совпадать с общественной нормой. Сожаление по поводу сделанных ошибок самим говорящим, т.е. контролируемое положение передается лексемой *regret*, а *sorry* соотносится как с контролируемой ситуацией, так и неконтролируемой, при этом, когда речь идет о собственном поступке, оно начинает выражать извинение. «Вообще выражение сожаления при извинении характерно для западной языковой культуры», - говорит автор (с. 62) со ссылкой на Ратмар Р. («Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры».-М., 2003, с.95). Указанные разновидности сожаления передаются в английском языке и междометиями *alas!*, *oh!*, *ah!* с соответствующей интонацией.

„Alas!” cried Alicia, „I am undone!” (111) - сожаление о плохом (*я погибла!*); *«Oh, Dick!” she cried, „if you could only see yourself! Alas!”*, she added, pausing... - сожаление об ушедшем хорошем (о бывлой красоте).

«Ах он разбойник! смеяться! что ли приехал?.. (35) – *Ah, banditul!..* (38) – неодобрение, неодобрение.

«Ах, здравствуйте, Максим Максимыч!..» (24) - *Ah, bună ziua, Maxim Maximovici!..* (25) – восторг, радость.

О роли жеста и мимики в этих случаях (вместе с интонацией) хорошо сказал А.И. Германович: «Едва ли, махнув безнадежно рукой, легко воскликнуть восторженное «*ax!*» ... Междометию по богатству мимики и интонации принадлежит первое место среди всех частей речи...» (с. 15). Поэтому в письменной речи, в литературе, в драматических произведениях, в баснях они нередко сопровождаются ремарками, словами (существительными, глаголами...), описывающими интона-

цию, жест, мимику героев: «O!.. - подозрение закралось... (то же в румынском переводе); «*Да-с, с большими странностями, смею вас уверить*...» (то же в переводе); «*Ах, боже мой!* - воскликнул М.М., дернув меня за рукав, в глазах сверкала радость»... - «*Doamne, Dumnezeule!* ... trăgîndu-mă de mîncă ... ochii îi străluceau de bucurie...» «*А-га!* - подумал я: - наконец-таки вышло по-моему...» - „*Iată, - m-am gândit eu...* – торжество, злорадство.

«*Пожалуйте!*» - *сказал я, всплеснув руками...*» (77) – „*Dă-mi voie!* – a răspuns, bătînd din palme (91). „*Hey, men, what make you here?* – hoarse voice added with drunken laughter...” и т.д.

Экспрессивность в русском языке может быть повышена прибавлением местоимения *ты*, утрачивающим свое значение и сливающимся с междометием (*ох ты! ах ты! ух ты!*); суффиксов субъективной оценки (*ой-ой-ошеньки! охохонюшки, охохошеньки*); употреблением совместно двух междометий (*тфу черт! ах боже мой! о-о батюшки!*). Подобных явлений в известных нам фактах румынского и английского языков не встретилось, за исключением двойных междометий: *O, Doamne! Doamne Dumnezeule!* (рум.); *O, Lord! Oh, Lord! Oh, God!* (?).

«Явления дифференциации и взаимодействия смыслового и интерпретационного аспектов языкового содержания актуализируются также в практике перевода. С одной стороны, дан текст оригинала во всем своеобразии языковых значений его элементов, с другой стороны, создается текст перевода с иными языковыми значениями и иной структурой их связей; связующим же звеном между этими системами является смысловая основа передаваемого содержания» [Бондарко 1987: 24]. К сказанному можно добавить и эмоциональную основу.

Сопоставление текстов Лермонтова (55 стихотворений, «Демон», «Герой нашего времени») и их румынских переводов показало, что наиболее частотным в них (особенно в стихах) является междометие «O!», которому в переводах соответствует такое же «O!», с теми же значениями, иногда в переводе ему соответствует *ah!* или вообще междометие отсутствует («*O, эполеты, эполеты!... ваши звездочки ... Я совершенно счастлив*» (100) – (восхищение, восторг) – „*O_ ero-leți! steluțele voastre*” (116); «*O, я горько ошибся!*...» (107) – (сожаление, огорчение) - „*O, m-am înșelat amarnic!*...” (123) и под. Другие соответствия: *увы!* – *vai!*, *ого!* – *oho!*, *избави боже!* – *Doamne ferește!*, *ах!* (восхищение) – *ah!*, огорчение – *of!*; *ага!* – *ah!*; *а-га!* – *ah!*; *аха!*, *јаtă!*; *ну!*, *эй!* – *ei!*; трем русским междометиям: *ах!* (со значением гнева), *эх!* (упрека, укора), *ох!* (досады) - в румынском соответствует *of!*; в румынской разговорной речи русскому *а-а! а!* (досада, огорчение) соответствует *ă – â!*; частотно «*мэй*» (*măi*), вообще отсутствующее в русском языке, а даже в авторизованном переводе Н. Савостина встречается. Соответствия эмотивного характера наблюдаются и в словах, подвергающихся интеръективации: *O, боже!* (*O, Doamne!*); *Слава богу!* (*Slavă Domnului!*), *Ах, боже мой!* (*Doamne, Dumnezeule!*); *Помилуйте!* (*Dă-mi voie! Îmi permiteți!*). *Эй-богу!* – в переводе нет.

Обобщая, можно отметить: совпадающие в звуковом отношении и в семантике (не всегда) междометия (*o! bravo! ура!*); отличающиеся по звуковому составу (в соответствии с звуковым строем языков): *oh, ah [ou]* – англ., *aha* – рум., [*ā:hā:*] – англ., *of* – рум., англ. и т.д.; полностью другие слова: *увы!* – *alas!* – *vai!*; *Боже!* – *Doamne!* – *good – God!*, *good Lord* – удивл., *oh, Lord* – досада, *my God* – ужас; *Lord* – восхищение и т.д. В некоторых случаях междометия при переводе опускаются. По-видимому, у переводчиков свои причины такого эллипсиса (отсутствие адекватного междометия, не совсем точно выраженная эмоция, свои стилистические критерии и т.д.). Этот вопрос требует более глубокого изучения.

Специфика значений эмоциональных междометий обуславливает их преимущественное употребление в разговорной речи, отсюда и связь их с интонацией, жестом, мимикой. В некоторых стилях (деловом, научном) они обычно не встречаются. Особенно частотны они в драматических произведениях (например, по данным А.И. Германовича, в I действии пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце» 40 междометий, а артисты МХАТ добавляют во время спектакля от себя еще 21 междометие, вставляя от себя междометия известные актеры и при чтении басен [Германович: 16-17].

Анализ переведенных текстов, внимательные наблюдения за речью носителей разных языков, конечно же, открывают большие возможности для более глубокого изучения вопроса о роли междометия в установлении контактов, в понимании общей эмоциональной атмосферы собеседниками, говорящими на разных языках.

Литература:

1. *Dicționar român-rus... rus-român.* Dicționarul cu gramatică, ИКТФ „Кобза”, Kiev, 2006.
2. Lermontov, *Un erou al timpului nostru*, București, 2003.

3. *Англо-русский словарь* / сост. проф. Мюллер В.К. изд. 15-е, Москва, 1970.
4. *Большой русско-английский словарь* / под общим руководством проф. Смирницкого А.И., под ред. Проф. О.С. Ахмановой, Москва, 2006.
5. Бондарко А.В., *Введение. Основания функциональной грамматики*, Москва, 1987.
6. Виноградов В.В., *Русский язык*. Грамматическое учение о слове, Москва, 1972.
7. Германович А.И., *Междометия русского языка*, Киев, 1966.
8. Лермонтов М.Ю., *Полное собрание сочинений*, т. 4, 1948.
9. Лермонтов/Lermontov, стихи /versuri, Бухарест, 1967.
10. Поляков С.М., *Основные способы реализации семантики сожаления в современном английском языке*// Вопросы языкознания, 2010, №3.
11. *Русская грамматика*: в 2-х т. Отв. ред. Н.Ю. Шведова, Москва, 1980, т. 1.
12. *Современный русский язык: Морфология*, Препринт, СПб, 2007.
13. Щерба Л.К., *Языковая система и речевая деятельность*, Л., 1974.